

оригинальная статья

Противодействие СССР британской экспансии в Синьцзяне в период национального движения коренных народов провинции 1931–1934 гг.

Бармин Валерий Анатольевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, г. Барнаул

valbarmin@mail.ru

Поступила в редакцию 17.01.2022. Принята после рецензирования 14.02.2022. Принята в печать 21.02.2022.

Аннотация: Рассмотрены проблемы, связанные с развитием международных отношений в Центральной Азии в 1930-е гг. Предмет – взаимоотношения Англии и Советского Союза в период восстания коренных народов Синьцзяна против китайской администрации в 1931–1934 гг. Проведен анализ исследований, опубликованных в последние годы, и архивных источников, вновь выявленных и введенных в научный оборот. Сделан ряд выводов и заключений, которые дополняют и уточняют событийную картину противостояния Великобритании и России (Советского Союза) в регионе Центральной Азии. Отмечено, что Лондон предпринимал весьма серьезные и настойчивые попытки установления своего контроля над повстанческим движением, чтобы с его помощью вернуть в провинции утраченное в 1920-х гг. экономическое и отчасти политическое влияние. Однако встречные действия советского правительства в развернувшейся борьбе оказались не только более эффективными, но и окончательно лишили Англию сколько-нибудь серьезных перспектив деятельности в этом регионе. Подчеркивается, что противостояние Англии и СССР, развернувшееся в ходе восстания, его формы, методы и итоги отразились на всем комплексе международных отношений в Центральной Азии. Сама схватка стала, по сути, финальным эпизодом «Большой игры», который определил в дальнейшем преимущественное положение Советского Союза в этом регионе. При этом руководство СССР, вопреки мнению многих западных исследователей, никогда не ставило своей целью аннексию территории Синьцзяна. Материалы исследования могут быть использованы в обобщающих работах по истории международных отношений в Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, Тюрко-Исламская Республика Восточного Туркестана, Синьцзян, повстанческое движение, уйгуры, дунгане, Великобритания, Советский Союз, соперничество

Цитирование: Бармин В. А. Противодействие СССР британской экспансии в Синьцзяне в период национального движения коренных народов провинции 1931–1934 гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 1–9. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-1-9>

original article

Soviet Opposition to British Expansion in Xinjiang Province during the Period of National Movement of Indigenous Peoples in 1931–1934

Valery A. Barmin

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

valbarmin@mail.ru

Received 17 Jan 2022. Accepted after peer review 14 Feb 2022. Accepted for publication 21 Feb 2022.

Abstract: The article deals with the development of international relations in Central Asia in the 1930s. The research featured the relationship between England and the Soviet Union during the uprising of the indigenous peoples of Xinjiang against the Chinese administration in 1931–1934. The analysis involved recent publications and archival sources. The research clarifies the historical picture of the confrontation between Great Britain and the Soviet Union in Central Asia. London made persistent attempts to establish its control over the rebel movement in order to gain economic and political influence in the province, which it had lost in the 1920s. However, the reciprocal actions of the Soviet government proved effective and completely deprived Britain of any serious prospects in that region. The confrontation, its forms, methods, and results affected the entire complex of international relations in Central Asia. The conflict became the final episode of the Great Game, which later determined the predominant position of the Soviet Union in Central Asia. Contrary to the opinion of many western researchers, the USSR never intended to annex the territory of Xinjiang. The research summarizes the history of international relations in Central Asia.

Keywords: China, the Turkic-Islamic Republic of East Turkestan, Xinjiang, rebel movement, the Uighurs, the Dungans, Great Britain, the Soviet Union, rivalry

Citation: Barmin V. A. Soviet Opposition to British Expansion in Xinjiang Province during the Period of National Movement of Indigenous Peoples in 1931–1934. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 1–9. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-1-9>

Введение

Во второй половине XIX в. в результате встречного экспансионистского движения Англии и царской России их интересы столкнулись в Центральной Азии. История противостояния в этом регионе двух крупнейших империй мира (в период от середины XIX в. и до начала Первой мировой войны) изучена и в отечественной, и в зарубежной историографии сравнительно полно. Среди значительных исследований последних десятилетий, посвященных этому вопросу, можно назвать фундаментальную работу профессора Российского государственного гуманитарного университета Е. Ю. Сергеева «Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии» [1]; весьма содержательное исследование профессора Ташкентского государственного университета Г. А. Хидоятова «Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.)» [2]; публикацию известного британского историка Питера Хопкирка: «Большая игра: борьба за империю в Центральной Азии» [3] и ряд других.

Смещение интересов Британии в Азию было во многом определено потерей владений в Северной Америке. Именно после вынужденного ухода из Америки Лондон с нарастающей активностью начал осуществлять колонизацию «бриллианта в английской короне» – Индии. Этот процесс завершился к началу XIX в. захватом северных районов этой страны и выходом на границу с китайским Синьцзяном. Англичан не мог не заинтересовать рынок сопредельной густонаселенной и географически выгодно расположенной Кашгарии. «В свою очередь Россия установила торговые и дипломатические контакты с этим регионом еще в период существования Джунгарского ханства. После его превращения сначала в наместничество, а затем в провинцию Китая торговые связи между Россией и населявшими ее народами продолжали развиваться. Достаточно сказать, что уже к концу XIX века на долю России приходилось более 75 % внешне-торгового оборота провинции» [4, с. 346]. Таким образом, Синьцзян в сложившейся ситуации стал одним из плацдармов противостояния Англии и России в Центральной Азии.

Противоборство двух государств, получившее в истории название «Большая игра», имело продолжение и после завершения Первой мировой войны. Претерпев определенные изменения в связи с радикальными трансформациями, произошедшими в результате Октябрьской революции и смены общественно-политического строя в России, противоборство вышло на новый этап в 1920–1930-е гг. При этом значительную роль в «Большой игре» теперь стал играть именно Синьцзян. Например, в Лондоне достаточно серьезно прорабатывался план распространения влияния Британии на всю Центральную Азию «с намерением

создать марионеточную "Великую Тибетскую империю" в составе Тибета, Синьцзяна и Ганьсу во главе с индийским принцем» [5, с. 184].

В борьбе за установление контроля над этим важным в геостратегическом и экономическом отношении регионом и Англия, и Советский Союз стали активно использовать национальные движения коренных народов, борющихся против колониального режима гоминдановского Китая за создание собственной государственности. Одновременно обеими сторонами применялись энергичные меры, направленные на усиление своего влияния на китайскую администрацию провинции.

Одним из наиболее значимых этапов в реализации этой тактики стала деятельность сторон в ходе мощного повстанческого движения мусульманских народов провинции в 1931–1934 гг. Следует отметить, что события, связанные с противостоянием Англии и СССР в ходе этого восстания, в отличие от активной фазы «Большой игры» XIX – начала XX в., имеют довольно скромную историографию и изучены, на наш взгляд, неудовлетворительно. В основном они нашли отражение в виде отдельных сюжетов и эпизодов, включенных в работы, посвященные сопредельным проблемам или более масштабным темам. Так, отдельные разделы, касающиеся этих вопросов, присутствуют в работе автора настоящей статьи «Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза)» [6]; монографии профессора Института Востоковедения РАН Е. Н. Наземцевой «Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.)» [7]; исследовании профессора К. Л. Сыроежкина «Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана» [8]; в шеститомном академическом издании авторского коллектива «Очерки истории российской внешней разведки» [9] и некоторых других. Однако многие важные факты, свидетельствующие о влиянии противоборства Англии и СССР в ходе восстания 1931–1934 гг. на весь ход исторического развития региона Центральной Азии, до настоящего времени остаются за рамками интереса и работ историков. Данное обстоятельство, а также то, что в последние годы для исследователей стали доступны ранее закрытые источники, определяют необходимость нового обращения к заявленной теме.

Противостояние Великобритании и России (Советского Союза) в Синьцзяне

Соперничество двух империй в этом регионе охватывало все форматы дипломатического, экономического и геополитического характера и было достаточно жестким. Однако противоборствующие стороны сумели избе-

жать прямого военного столкновения, поскольку «творцы колониальной политики были вынуждены мириться с реальностями, полагая, что война ослабит державы, что повлечет катастрофические последствия для их господства в этом политически нестабильном районе Азии» [10, с. 101].

В то же время вопрос установления и сохранения политической и экономической доминанты в Синьцзяне для обеих сторон усложнялся крайне напряженной внутривластной ситуацией в провинции. Территория Синьцзяна была захвачена цинским Китаем во второй половине XVIII в. в ходе разгрома Джунгарского ханства и кровавого покорения входивших в его состав народов. Более 100 лет захваченная территория носила статус наместничества и была преобразована в провинцию только в 1884 г. При этом колонизация региона сопровождалась исключительным насилием и огромным количеством жертв среди коренного населения. Разрушительные военные действия сменились установлением чрезвычайных налоговых тягот, оскорбительным отношением китайской администрации к обычаям, традициям и духовной жизни народов, в основной массе исповедовавших ислам. Эти обстоятельства вызвали постоянные протесты, часто переходившие в масштабные восстания доведенных до отчаяния людей. Результатом некоторых таких восстаний являлось изгнание китайцев из отдельных областей провинции и даже создание повстанцами непризнанных государственных образований. Так, например, произошло в период восстания неханьских народов Синьцзяна против китайской колониальной администрации в 1864–1877 гг., когда повстанцы создали уйгурское государство Йэтишар (Семиградье), просуществовавшее несколько лет [11; 12].

Вполне понятно, что и Англия, и Россия пытались использовать внутривластные проблемы провинции в своих интересах. Англичане, например, предпринимали очень активные попытки установления своего контроля над деятельностью лидера повстанческого движения и правителя Йэтишара, кокандского узбека Якуб-бека. Они ревниво следили за действиями России и «ни в коем случае не хотели допустить усилия влияния последней на Якуб-бека» [11, с. 34]. Но в 1877 г. государство Якуб-бека было разгромлено экспедиционным корпусом китайской армии под руководством известного политического и военного деятеля Китая Цзо Цзунтана. Это обстоятельство разрушило планы англичан, направленные на усиление влияния в провинции. Интересно то, что Цзо Цзунтан в ходе развернувшейся накануне «западного похода» дискуссии относительно целесообразности войсковой операции против Йэтишара настаивал именно на военных действиях. Он был убежден, что отказ от военного похода «явится первым шагом к преобладанию иностранных держав в Центральной Азии» [цит. по: 13, с. 126]. Нет сомнения, что Цзо Цзунтан имел в виду Англию и Россию.

В это же время целый ряд объективных обстоятельств способствовал более успешной деятельности российской

стороны. Они определялись прежде всего тем, что на территории среднеазиатских окраин Российской империи, граничивших с провинцией, проживали этнически родственные коренному населению Синьцзяна народы. Единая культура, обычаи, традиции, вероисповедание, родственные связи значительно облегчали развитие торгово-экономических отношений и, как следствие, рост политического влияния России в сопредельном регионе. Рост этого влияния использовался «против английского проникновения в Центральную Азию. В конечном счете, Россия оказалась в выигрыше от гибели государства Якуб-бека» [14, с. 162].

Первая мировая война, события революций 1917 г. и последовавшая затем разрушительная Гражданская война привели к практическому уходу российского капитала из Синьцзяна. До начала 1920-х гг. торгово-экономические операции сторон носили эпизодический характер и представляли собой разовые закупки товаров, осуществлявшиеся отдельными синьцзянскими купцами в России. В это же время с российской стороны в провинции работали эмиссары армий белого движения и представители большевистских властей.

Сложившейся ситуацией в полной мере воспользовались торговые компании ряда европейских стран и, разумеется, Англии. Последняя, «по существу захватившая в рассматриваемый период Кашгарский рынок и усилившая влияние на местного даоиня (гражданского губернатора округа)» [15, с. 74], активно использовала, помимо прочего, для укрепления своих позиций в Синьцзяне басмаческое движение, развернувшееся в сопредельном советском Туркестане. Помощь басмачам оказывалась оружием, деньгами и засылкой в их отряды инструкторов. Так, только в феврале 1919 г. английский консул в Кашгаре, полковник Эссерсон, «передал через бывшего царского консула А. И. Успенского для басмаческих курбаши 100 тысяч рублей» [16, с. 283]. Всесторонняя поддержка англичанами этого мощного антисоветского движения очень серьезно мешала нормализации торгово-экономических связей молодого советского государства с провинцией. В результате значительная часть товарного рынка провинции, особенно в ее южных округах, вплоть до начала 1920-х гг. была заполнена именно английскими промышленными товарами и продуктами. Однако уже к середине 1920-х гг. ситуация на рынках провинции стала быстро меняться в пользу товаров и фабрикатов, поступающих из СССР. Вслед за этим начал меняться и вектор политических ориентиров правящих кругов провинции.

Завершение гражданского противостояния в России, укрепление советской власти, восстановление экономики и взвешенные дипломатические шаги советского руководства позволили уже в мае 1924 г. восстановить дипломатические отношения между Советским Союзом и Китайской Республикой, прерванные в 1918 г. Нормализация дипломатических отношений двух государств оказала в свою очередь весьма позитивное влияние на быстрое восстановление всесторонних связей Москвы и Синьцзяна. Уже в октябре 1924 г. СССР открыл свои консульства в Урумчи, Кашгаре,

Кульдже, Чугучаке и на Алтае. В это же время Китай учредил консульства в Ташкенте, Алма-Ате, Семипалатинске, Зайсане и Андижане¹. Необходимо подчеркнуть, что Англия имела в Синьцзяне только одно консульство, открытое в 1890 г. в Кашгаре. И несмотря на настойчивые просьбы Лондона учредить свое консульство в столице Синьцзяна – Урумчи, китайская сторона в этой просьбе постоянно отказывалась.

К концу 1920-х гг. Советский Союз вытеснил с товарного рынка провинции всех иностранных конкурентов, в том числе и англичан, которые доминировали в Кашгаре. Советское консульство в Кашгаре сообщало по этому поводу: «все попытки иностранного капитала "захватить" кашгарский рынок, даже при прямом содействии китайских властей, окончились чрезвычайно неудачно. Стоило только в 1925 году появиться в Кашгаре представителям наших хозяйственных организаций, как фирма "Фауст" приступила к ликвидации своего дела, другая фирма "Бр.[атья] Бренер" – также накануне ликвидации своего дела в Кашгаре»². В это же время советское консульство в Чугучаке информировало Москву, что «доставленная Внешторгом и акционерным обществом "Шерсть" мануфактура идет во всех районах нарасхват, и все английское, американское и японское остается лежать на полках. Наши товары идут за сырьем как валюта»³. Отвоєванные у иностранных фирм позиции заняли советские торговые организации: Шерсть, Всесоюзный текстильный синдикат, Нефтесиндикат, Сахаротрест и др. Газета «Казахстанская Правда», отмечая успехи СССР в области экономического сотрудничества с Синьцзяном, писала, что здесь «достаточно твердо развивается спрос на советские товары, даже со стороны китайских фирм в Урумчи, которые являются представителями торговых домов Восточного Китая»⁴.

Повстанческое движение коренных народов провинции

Активное торгово-экономическое сотрудничество с Советским Союзом способствовало позитивным переменам в экономике самой провинции. Но наиболее болезненная область внутривластного климата в провинции становилась все более напряженной. Противостояние коренного населения провинции и китайской колониальной администрации к началу 1930-х гг. в очередной раз достигло критической точки. Деятельность администрации по отношению к коренным народам буквально провоцировала последних на вооруженное сопротивление. Давая оценку сложившейся в провинции ситуации, ученые и партийные работники, входившие в Группу по изучению национального вопроса

в Китае, работавшую при Коммунистической Академии, сообщали в 1931 г. в своей записке: «Вполне обычны случаи прямого истребления населения инонационалов даже тогда, когда их поведение не давало к этому никаких поводов». Такое отношение к местному населению китайцы объясняли тем, что «они по натуре буйны и несговорчивы... Они подобны собакам и кошкам и стоят вне пределов цивилизации. <...> ... переход к состоянию цивилизации в представлении китайского крепостника связывался, прежде всего, с полной выдачей себя в его руки и лишением земельной собственности. В итоге... значительная часть инонационалов истреблялась»⁵. Растущее напряжение разразилось мощным повстанческим движением коренных народов провинции в апреле 1931 г.

Основной движущей силой восстания на первом этапе являлись отряды, сформированные уйгурами. Однако вскоре к движению примкнули казахи, узбеки, монголы, киргизы и другие народы Синьцзяна. В результате оно приобрело всенародный характер. Вместе с тем после первых кратковременных успехов отряды повстанцев, плохо вооруженные и слабо организованные, стали терпеть поражения от дислоцированных в провинции регулярных частей китайской армии.

В сложившейся ситуации руководители повстанческого движения обратились за помощью и поддержкой к своим единоверцам – дунганам, большая часть которых проживала в соседней провинции – Ганьсу. На этот призыв откликнулся молодой и весьма амбициозный генерал Ма Чжуньтин. В начале июня 1931 г. в провинцию прибыла возглавляемая им обученная и хорошо вооруженная бригада, укомплектованная дунганами. Прибытие этой бригады послужило своеобразным сигналом к активному вливанию в отряды повстанцев дунган, проживающих в Синьцзяне. В результате Ма Чжуньтин в сложившихся обстоятельствах оказался в роли лидера всего движения [17, с. 115].

Появление в рядах повстанцев имеющего боевой опыт командующего и его подразделения серьезно изменили ситуацию на фронтах и помогли избежать надвигавшегося поражения. Важным обстоятельством во вновь сложившейся ситуации явилось то, что Ма Чжуньтин получил устное обещание Чан Кайши передать ему должность губернатора в Синьцзяне в том случае, если он сумеет установить над ней контроль [18, с. 130]. Тем не менее в течение 1931–1932 гг. ни одна из противоборствующих сторон не смогла добиться в боевых действиях серьезного успеха. Изменения в сложившейся ситуации произошли только зимой 1932/1933, когда на помощь повстанцам из Ганьсу прибыло еще одно хорошо

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0/100-в. Оп. 4. П. 1. Д. 4. Л. 59.

² АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 162.

³ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 7. П. 107. Д. 4. Л. 157.

⁴ Казахстанская Правда. 23.05.1932. № 116 (2284).

⁵ От группы по изучению национального вопроса в Китае. *Проблемы Китая. (Записки института) Научно-исследовательский институт по Китаю при Коммунистической Академии. 1931. № 8-9(3-4). С. 231.*

вооруженное и укомплектованное обученными солдатами-дунганцами подразделение – полк Цзаолу. После его прибытия повстанцам удалось осадить столицу провинции – город Урумчи. В результате положение китайской администрации стало настолько угрожающим, что было принято решение призвать на службу проживающих в провинции бывших белогвардейцев. Они оказались здесь после отступления на китайскую территорию разбитых колчаковских армий под командованием атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова, Семиреченского казачьего войска атамана Б. В. Анненкова и командира корпуса генерала А. С. Бакича⁶. Однако еще до этого весьма неординарного шага, летом 1931 г., руководство провинции обратилось к советскому правительству с просьбой оказать ему помощь в борьбе с повстанческим движением оружием и авиацией.

В Москве внимательно следили за развитием ситуации в провинции с момента начала восстания, и просьба китайцев не была для И. В. Сталина и его окружения неожиданной. В то же время сама постановка вопроса о возможной помощи в подавлении национально-освободительного движения, которое большевиками всегда рассматривалось как часть мирового революционного движения, вызвала у многих деятелей в партийном руководстве, и прежде всего в Коминтерне, неприятие и острую дискуссию. Так, Восточный комитет Коминтерна направил в Политбюро ЦК ВКП(б) специальное письмо, в котором подчеркивалось, что «подавление национально-освободительного движения уйгур с помощью нашего оружия с последующим кровавым террором не может не нанести ущерб национально-освободительному движению в целом и способствовать еще большей консолидации контрреволюционных сил и расширению антисоветской базы в Синьцзяне»⁷. В это же время представитель Коминтерна в Ташкенте телеграфировал своему руководству, что «тов. Бауман [*прим. автора* – секретарь Среднеазиатского бюро ВКП(б)] считает, что движение носит характер национально-освободительный, поэтому мы должны помочь движению»⁸.

Однако доводы противников об оказании помощи китайской администрации столкнулись с весьма прагматической и жесткой позицией И. В. Сталина и правительства. Руководитель СССР и его окружение исходили в своих решениях и действиях из того, что «Синьцзян является одним из важнейших сырьевых рынков для нашей промышленности» и потеря этого рынка в условиях затянувшегося хаоса в провинции самым негативным образом отразится на ситуации в экономике СССР. Поэтому советское государство заинтересовано в «сохранении "статус-кво"

в Синьцзяне»⁹. В отличие от партийных теоретиков люди, сидевшие в это время в правительственных кабинетах Кремля, строили свою позицию в отношении событий, разворачивавшихся в провинции, на понимании того, что «естественные богатства Синьцзяна настолько велики и грандиозны, что необходимо предпринять ряд специальных мер для эксплуатации этих богатств»¹⁰. Эта позиция во многом определила то, что уже с середины 1931 г. «Советский Союз начал осуществлять поставки оружия, военной техники и отправлять в Синьцзян своих инструкторов» [19, с. 252].

Вместе с тем решение советского руководства оказать китайской администрации помощь в подавлении повстанческого движения определялось и еще одним весьма важным фактором. Синьцзян по-прежнему оставался районом, где «помимо отношений между двумя государствами – СССР и Китаем – в политике в этом регионе приходилось учитывать деятельность целого ряда третьих стран, которые стремились проникнуть сюда и играть здесь свою возрастающую роль» [20, с. 107]. Начавшееся восстание во многом активизировало процесс этого проникновения. Ведущую роль в нем по-прежнему играла Англия, однако, нарастающую активность в провинции стала проявлять и милитаристская Япония, захватившая к этому времени Маньчжурию. Японский исследователь, профессор университета Тохоку К. Тэраяма откровенно пишет, что «Маньчжурский инцидент 1931 г. заставил советское руководство особо говорить о Японии как об активной политической силе в Центральной Азии» [21, с. 227].

Следует отметить, что сотрудники советских дипломатических представительств и спецорганы постоянно информировали Москву о нарастающей активности Англии, Японии и других стран в провинции. В частности, в одном из таких документов отмечалось, что «Синьцзян был и остается важным звеном в политике Англии в Центральной Азии, политике, направленной на то, чтобы соединить Индию с долиной Янцзы – сферой наибольших интересов Англии в Китае. <... > Хамийские события в Синьцзяне, показавшие возможность использовать массы, идущие за реакционным руководством в своих империалистических целях, все это активизировало английскую политику в Синьцзяне»¹¹. Даже представитель Коминтерна в Ташкенте, Дорф, в приведенном выше письме, ратуя в целом за поддержку повстанческого движения, посчитал необходимым указать на «значительное усиление и активизацию деятельности англичан в Синьцзяне, носящую исключительно антисоветский характер». Он подчеркивал,

⁶ Более подробно см. [7].

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 457. Л. 30.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 457. Л. 27–28.

⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2209. Л. 1–10.

¹⁰ АВПРФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 259.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 328. Л. 217.

что англичане поддерживают в провинции национальные контрреволюционные организации, имеющие «обширную базу в Синьцзяне среди местных феодальных слоев и чиновничества». Кроме того, автор указывал в своем письме, что «англофильские элементы в правительстве в последнее время укрепили свое влияние и систематически толкают правительство провинции на антисоветские действия»¹².

Действия Англии в Синьцзяне носили столь откровенный характер, что это находило отражение даже в буржуазной прессе. Французская «Эр Нувель» в номере от 8 апреля 1934 г. в статье «О положении в Синьцзяне» указывала на «закулисные пружины» событий в Китайском Туркестане (Синьцзяне) и поясняла, что «Синьцзян находится в непосредственной близости от Тибета и Афганистана, которые Англия рассматривает как заповедные зоны для своей экспансии». Далее газета напоминала, что «события в Маньчжурии начались таким же образом», проводя очевидную параллель между «движением независимости» в Маньчжурии и в Синьцзяне, «инспирированным заинтересованными державами»¹³. В это же время корреспондент турецкой газеты «Вақыт» сообщал с места событий, что «интриги Японии и Англии в Синьцзяне направлены против СССР» и что «Англия для осуществления своих планов в Синьцзяне израсходовала полмиллиона рупий»¹⁴.

Вполне понятно, что руководство Советского Союза в сложившейся ситуации не могло оставаться равнодушным к действиям Англии. В провинцию были увеличены поставки оружия, а на повестку дня встал вопрос о скорейшем прекращении боевых действий противоборствующих сторон. В частности, специально созданная решением Политбюро ЦК ВКП(б) межведомственная комиссия, которой было поручено выработать «Общие принципы политики СССР в отношении Синьцзяна», в третьем пункте своих рекомендаций советовала «В первую очередь считать необходимым оказать урумчинскому правительству активную поддержку для разгрома Ма Чжуньина и др. дунганских отрядов, представляющих собой реальный базис для планов превращения Синьцзяна в плацдарм антисоветской деятельности» [цит по: 22, с. 31–32].

Очевидная неспособность справиться с повстанческим движением действующего правительства провинции и ее губернатора Цзинь Шуженя привела к правительственному перевороту, основной силой которого выступили руководители подразделений, сформированных из бывших белогвардейцев. 12 апреля 1933 г. Цзинь Шужень был устранен от власти и бежал из провинции, а «к власти в крае пришел командующий правительственными войсками генерал Шен Шицай» [22, с. 27]. Новый губернатор позиционировал себя как приверженца марксизма и сторонника теснейшего

союза с СССР. Однако на деле он «не имел сколько-нибудь твердых политических убеждений, хотя и утверждал, что уже в 20-х годах "верил в марксизм"» [23, с. 362]. Тем не менее генерал хорошо осознавал, что попытки решить проблему протестного движения коренных народов провинции только военными методами обречены на провал. Поэтому он охотно принял рекомендации сотрудников советского консульства о формировании программы реформ, которые снимали бы наиболее болезненные вопросы общественно-политического и социально-экономического положения народов провинции. В результате при активном содействии советников из числа консульских работников были сформулированы и провозглашены «Шесть основных принципов политики» нового правительства Синьцзяна, которые носили программный характер. Они декларировали «борьбу с империализмом, дружбу с СССР, расовое и национальное равенство, борьбу со своеволием и взяточничеством, борьбу за мир и создание новой экономики»¹⁵ [24, р. 105].

Обнародование «шести принципов» и формирование на основе этого документа программы деятельности правительства весьма существенно повлияли на снижение напряженной обстановки в провинции. Причем эта декларация работала и на авторитет Шен Шицай, и на формирование позитивного отношения населения к советскому государству. Известный американский китаевед О. Латтимор писал по этому поводу: «Русские ... одобрительно относились к его [прим. автора – Шен Шицай] программе демократических преобразований, что поднимало его престиж среди не китайского населения провинции» [25, р. 80]. Однако при этом большинство западных исследователей, как и сам О. Латтимор, оценивали позицию СССР в борьбе с влиянием Англии и других государств в период восстания 1931–1934 гг. исключительно как империалистическую, ставящую своей целью захват и аннексию этого региона [26–28]. Интересно, что и Чан Кайши в своей работе мемуарного характера «Советская Россия в Китае», касаясь событий в Синьцзяне, пишет, что СССР «подготавливал захват Синьцзяна» [29, с. 125]. Однако генералиссимус предпочитает не говорить о позиции и устремлениях Англии.

Приход к власти в провинции генерала Шен Шицай и начало его практической деятельности по реализации заявленных реформ послужили снижению напряженности и примирению с правительством Синьцзяна части повстанцев во главе с одним из наиболее авторитетных лидеров – уйгуром Ходжа Ниязом. Однако отряды во главе с Ма Чжуньином продолжали вести активные боевые действия против правительственных войск. При этом Ма Чжуньин отказывался от поисков компромиссов и заключения перемирия.

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 457. Л. 27

¹³ АВП РФ. Ф. II. Реферантура по Китаю. Оп. 18. П. 40. Д. 32. Л. 35.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 2-й ВО – Реферантура по Синьцзяну. Оп. 13. П. 24. Д. 39. Л. 2.

¹⁵ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Ситуация еще более обострилась после того, как в Хотане начала проявлять активность Тюрко-Исламская республика Восточного Туркестана (ТИРВТ), провозглашенная 12 ноября 1933 г. Уйгурским комитетом за национальную революцию. Премьером правительства ТИРВТ стал пантюркист Сабит Домулла. Руководитель самопровозглашенной республики не только не скрывал своего англофильства, но и призывал английское правительство взять ТИРВТ под свой протекторат. В письме, направленном правительством этой республики британскому консулу в Кашгаре, Томсон-Гловеру, заявлялось: «Мы всегда готовы наряду с другими находиться под тенью великого британского правительства и будем стремиться прервать связь с большевиками» [цит. по: 6]. Это письмо является наглядной картиной тех радужных перспектив, которые могли получить англичане в случае достижения своих целей, прежде всего решения задачи установления контроля над повстанческим движением.

Однако на деле попытки руководителей ТИРВТ заручиться поддержкой Англии, ставшие известными Москве, вызвали совершенно понятную ответную реакцию. Советское руководство в сложившихся условиях решило оказать китайской администрации прямую военную поддержку, которая позволила бы в кратчайшие сроки подавить все очаги продолжавшегося протестного движения. В Синьцзян 7 ноября 1933 г. была направлена т. н. Алтайская добровольческая армия, «сформированная из военнослужащих 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ, обмундированная в белогвардейскую форму, усиленная несколькими бронемашинами и авиацией» [22, с. 37]. В результате в ходе развернувшихся боев к апрелю 1934 г. основные очаги сопротивления повстанцев были подавлены. При этом войска Ма Чжуньина, отступавшие под ударами Алтайской добровольческой армии и оказавшиеся в начале 1934 г. в столице ТИРВТ, Кашгаре, просто разогнали правительство этой республики, после чего она прекратила свое существование [18, с. 38]. Крушение ТИРВТ знаменовало собой и крушение планов Англии по использованию сил повстанцев в достижении ее целей, а в более широком контексте – поражение в финале «Большой игры».

В июле 1934 г. Ма Чжуньин после череда поражений своих войск, разуверившись в победном исходе повстанческого движения, перешел на территорию СССР и был интернирован советскими властями. Его отход от активной борьбы знаменовал завершение основной фазы национального движения коренных народов провинции против китайской колониальной администрации. К этому времени был завершен и вывод из провинции советских войск.

Заключение

Политика советского руководства в отношении повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. во многом противоречила теории марксизма и строилась исключительно на основе прагматизма и защиты национальных интересов советского государства. Важнейшим побудительным мотивом в принятии решения о помощи провинциальному правительству в подавлении движения являлось требование закрепления политического и экономического влияния в провинции, представлявшей для СССР геостратегический плацдарм и важную сырьевую базу. В то же время решение этой задачи не было возможным без устранения из провинции иностранных конкурентов, преследующих аналогичные цели. Наиболее сильным из них являлась Англия, попытавшаяся в борьбе с Советским Союзом использовать повстанческое движение и с его помощью не только вернуть в провинции утраченное в 1920-е гг. экономическое и отчасти политическое влияние, но и при благоприятном исходе вообще заставить Москву отказаться от своих целей в Синьцзяне. Однако политическая линия советского правительства в развернувшейся борьбе оказалась более эффективной и действенной, что предопределило исход схватки в пользу Советского Союза и лишило Англию сколько-нибудь серьезных перспектив реализации своих планов в этом регионе.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 454 с.
Sergeev E. Yu. *The Great Game, 1856–1907. Myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia*. Moscow: T-vo nauch. izd. KMK, 2012, 454. (In Russ.)
2. Хидояттов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: Фан, 1981. 213 с.
Khidoyatov G. A. *British Expansion in Central Asia: (Pende, March 1885)*. Tashkent: Fan, 1981, 213. (In Russ.)
3. Hopkirk P. *The great game: the struggle for empire in Central Asia*. N. Y.: Kodansha International, 1990, 564.
4. Бармин В. А. Синьцзян как площадка продолжения «Большой игры»: противостояние Советского Союза и Англии в провинции во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX века. *Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность*: мат-лы II Междунар. алтаистического форума. (Барнаул-Горно-Алтайск, 30 сентября – 3 октября 2021 г.) Барнаул: АлтГУ, 2021. С. 345–349.

- Barmin V. A. Xinjiang as a platform for the continuation of the "Great Game": confrontation between the Soviet Union and England in the provinces in the late 1920s – early 1930s. *The Turkic-Mongolian world of the Great Altai: historical and cultural heritage and modernity*: Proc. II Intern. Altai Forum, Barnaul-Gorno-Altaysk, 30 Sep – 3 Oct 2021. Barnaul: ASU, 345–349. (In Russ.)
5. Обухов В. Г. Схватка шести империй: битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.
Obukhov V. G. *Clash of six empires: battle for Xinjiang*. Moscow: Veche, 2007, 512. (In Russ.)
 6. Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: БГПУ, 1998. 191 с.
Barmin V. A. *The Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941. (The regional dimension of the foreign policy of the Soviet Union)*. Barnaul: BSPU, 1998, 191. (In Russ.)
 7. Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул: Алтай, 2010. 270 с.
Nazemtseva E. N. *Russian emigration in Xinjiang (1920–1930)*. Barnaul: Altai, 2010, 270. (In Russ.)
 8. Сыроежкин К. Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 336 с.
Syroezhkin K. L. *Xinjiang: a big question for China and Kazakhstan*. Astana-Almaty: IWEP, 2015, 336. (In Russ.)
 9. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2: 1917–1933 гг., ред. В. Б. Барковский. М.: Междунар. отношения, 1997. 272 с.
Essays on the history of Russian foreign intelligence service. Vol. 2: 1917–1933. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1997, 272. (In Russ.)
 10. Басханов М. К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. Из истории международных отношений в Центральной Азии: (Средние века и новое время), отв. ред. Г. М. Исхаков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 100–134.
Baskhanov M. K. The policy of England towards the state of Yakub-bek. *From the history of international relations in Central Asia: (Middle Ages and modern times)*, ed. Iskhakov G. M. Alma-Ata: Gylm, 1990, 100–134. (In Russ.)
 11. Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877). М.: Наука, 1981. 94 с.
Isiev D. A. *Uighur state of Yettishar (1864–1877)*. Moscow: Nauka, 1981, 94. (In Russ.)
 12. Моисеев С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэтишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. 200 с.
Moiseev S. V. *Relations between Russia and the Uighur State of Yettishar (1864–1877)*. Barnaul: Azbuka, 2006, 200. (In Russ.)
 13. Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: ИВ РАН, 1998. 202 с.
Dubrovskaya D. V. *The destiny of Xinjiang. China acquires the "New Frontier" at the end of the XIX century*. Moscow: IOS RAS, 1998, 202. (In Russ.)
 14. Анваров А. История изучения Восточного Туркестана английскими и индийскими путешественниками (1812–1900). Алматы: Мир, 2013. 200 с.
Anvarov A. *The history of the study of East Turkestan by English and Indian travelers (1812–1900)*. Almaty: Mir, 2013, 200. (In Russ.)
 15. Шеметова Т. А. Из истории деятельности английского консульства в китайской провинции Синьцзян в 1918–1919 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 2. С. 74–76. <https://doi.org/10.17223/19988613/40/11>
Shemetova T. A. From the History of the British Consulate in the Chinese province of Xinjiang in 1918–1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, (2): 74–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19988613/40/11>
 16. Бармин В. А., Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бочкарева И. Б., Тарасова Е. В., Гончарова Н. П. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. Барнаул: АлтГУ, 2018. 384 с.
Barmin V. A., Lysenko Yu. A., Anisimova I. V., Bochkareva I. B., Tarasova E. V., Goncharova N. P. *The civil war in the Steppe region and Turkestan (1918–1921) and the reflection of these events in the historical memory of the population of post-Soviet Central Asia*. Barnaul: ASU, 2018, 384. (In Russ.)
 17. Хакимбаев А. А. К оценке деятельности Ма Чжунина (из истории национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна в 1931–1934 гг.). *Общество и государство в Китае*: тезисы и доклады XIV науч. конф. М.: ИВ АН СССР, 1983. Ч. III. С. 114–121.
Khakimbaev A. A. On the assessment of the activity of Ma Zhuning (from the history of the national liberation struggle of the peoples of Xinjiang in 1931–1934). *Society and the state in China*: Proc. XIV Sci. Conf. Moscow: IOS AS USSR, 1983, 114–121. (In Russ.)
 18. Кузнецов В. С. Ислам в политической истории Китая. Ч. 3: 30-е годы XX в. – 1949 г. М.: ИДВ РАН, 1996. 181 с.
Kuznetsov V. S. *Islam in the political history of China. Pt. 3: 1930s – 1949*. Moscow: IFES RAS, 1996, 296. (In Russ.)
 19. Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб.: Алетейя, 2016. 446 с.

- Nazemtseva E. N. *At the diplomatic level: problems of the legal status of Russian emigrants in China in Soviet-Chinese relations (1920–1940s)*. St. Petersburg: Aleteia, 2016, 446. (In Russ.)
20. Галенович Ю. М. «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений. Т. I: от октября 1917 г. до октября 1949 г. М.: ИДВ РАН, 1992. 169 с.
Galenovich Yu. M. *"White spots" and "sore spots" in the history of Soviet-Chinese relations. Vol. I: from October 1917 to October 1949*. Moscow: IFES RAS, 1992, 169. (In Russ.)
21. Тэраяма К. Советская политика в отношении Синьцзяня в 1930-е годы и японский фактор. *Азиатская Россия и сопредельные государства*, ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 222–251.
Terayama K. Soviet policy towards Xinjiang in the 1930s and the Japanese factor. *Asian Russia and adjacent states*, ed. Papkov S., Terayama K. Novosibirsk: Parallel, 2013, 222–251. (In Russ.)
22. Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики. Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 360 с.
Gansanli J. P. *Xinjiang in the Orbit of Soviet Politics. Stalin and the Muslim Movement in East Turkestan (1931–1949)*. Moscow: FLINTA; Nauka, 2015, 360. (In Russ.)
23. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2007. 454 с.
Usov V. N. *Soviet intelligence in China: 1930s*. Moscow: T-vo nauch. izd. KMK, 2007, 454. (In Russ.)
24. Whiting A. S., Shits'ai S. *Sinkiang: Pawn or Pivot?* East Lansing: Michigan State University Press, 1958, 314.
25. Lattimore O. *Pivot of Asia: Sinkiang and inner Asian frontiers of China and Russia*. Boston: Little, Brown, 1950, 288.
26. Clubb O. *China and Russia: the "Great Game"*. N. Y.-London: Columbia University Press, 1971, 578.
27. Forbes A. *War-lords and muslims in Chinese Central Asia. A political history of Republican Sinkiang 1911–1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 376.
28. Hasiotis A. *Soviet political, economic, and military involvement in Sinkiang from 1928–1949*. N. Y.-London: Garland Publishing Inc., 1987, 257.
29. Цзян Чжунчжан (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд., испр. и доп. М.: Посев, 2009. 439 с.
Chiang Kai-shek. *Soviet Russia in China. Memories and Reflections at 70*. 2nd ed. Moscow: Posev, 2009, 439. (In Russ.)